

ПРОЗВИШША

Приехал в колхоз новый механик. Парень холостой. И слава Бох избу просить не будет. Определили ево на постой к сёстрам бабе Шуре с бабой Ниной. Своих ребят оне давно на ноги поставили, а под старось надумали вместе жить, мол не так тоскливо. Так двоём и проживают.

Василью у них поглянулось: изба светла, кругом чистота. Везде ловики настелёны, да дорожки с кружкáми. На окошках занавески висятца, мережкой выбитые. Койки с панцирными сетками, пикейными покрывалами застелёные, с подзорами да с накидушками тюлевыми. У каждой койки настенник. На заборках да в простенке вышивки приколочены, и крестиком и гладью. Всё своедельно.

Старушки видать, што добры, приняли как родново. Сразу за стол посадили, всево на свете наставили. Он сидит ест, а баушки с двух сторон чашки ему пододвигают.

Потом давай ево расспрашивать, как звать, хто он да откуль. Где учился да как íз дому одново эку даль отпустили... Разговоров до полночи хватило...

Разбудили ево голоса:

Шура, ты сѣдни гнёзда-то куричы проверяла-нет?

Я их де проверю, всё утро в куте ширюсь, завтрик направляю. Парню-то скоро в контору бежать. А с нима ково заспелось, с гнёздами-то?

Дак я вечѣр куриц шшупала, чернопѣстра-то с яичком была, а счас проста! Снеслась де-то.

- У ней гнездо-то на поветях, в углу над яслáми. Сползай, погляди.

Без тебя бытто не знаю! Это Марья ревѣт, мол её курица на наши повети залетела, а я бытто чужо яичко к рукам прибрала... Да така большерота, ревѣт и ревѣт стыда в глазах нету, ославила на всю деревню! - тут Нина увидела из-за занавески заспанново фатеранта, Вай, ревѣм во всю голову, нѣ дали поспать парнишке. А ты, родимай, почево соскочил? Полежал бы ишшо, понежился. Ну как, выпался на новом-ту месте? Невеста не приснилась?

Вы-ы-спался! У вас красота! Ишшо говорят, што в деревне уж нихто добрый не живѣт, одна мол нишшета осталась.

А ты слушай боле. Не знай уж, ково этому народу ишшо не хватат, сколь ни давай, всё в жабу мало! Так-то хочь к кому в избу зайди и небель всяка стоит, и настенники базарны навешаны, и радио разговариват ково ишшо нады?! Ране-то и попададя не всяка так жила, как нонешны бабы поживают!

Василий умылся, оделся, зашел к баушкам в куть:

Баб Нина, вот вчера вы нормально со мной разговаривали, а сейчас по-другому. Это што за разговор у вас такой?

Ну дак конешно, механик это тебе не конюх хоть небольшой, а всё ж-ки начальник. Вот мы с тобой по-писаному и разговаривам. А меж собой так бұхам.

А меня научите?

Старушки переглянулись, не знали, верить ему или нет:

Тебе вправду глянетца или так, шпанішь над старухами?

- Взаправду, чем хошь побожусь!

Дивья, што поглянулось, пошто не научим-то? Научим. А ты сам-от слушай пұшше, да спрашивай.

Зажили дружно. Фатерант старухам помогчи не отказыватца, а оне ему про старину рассказывают. Недели через две за ужной он поинтересовался:

А чё, на Дворце местных никово не осталось? Ангарских-то?

Сёстры поглядели друг на дружку:

Свят дух восподней, оне куды девались? Тебе это помстилось али сказал хто? Это уж последни года стали тунейдцев к нам ссылать, а так-ту свои ишшо не все вымерли, Христос с нами.

Я за полмесяца ни в гараже, ни в конторе ни единой фамилли ангарской-то не слышал, как всё равно одне поселенцы живут.

Н-но паря, ишшо не башше... А тебе, родимый хто про фамилли-то обсказывал?

Да нихто. Это я табель на зарплату взялся заполнять, вот и спросил у мужиков, штоб никово не спутать. А Олег Васильевич подошел, да и записал своей рукой.

Старухи переглянулись:

Это што за Олег за Васильевич у нас такой? Он себя-то как записал?

Себя-то.. счас погляжу Дак Дюбой записал.

Ва-ай, дак ты нашел, ково слушать! Ему бы толька насмешничать. Иш ты Олег он Васильевич! Ох ты, паразит ты ходишь. Подумай-ка, не погнушался казённу гумагу испортить. Он какой тебе Дюба-то? Сроду Алик Колпаков был.

Василий развернул свой табель:

- Да не может быть! Та-ак. Ну-ка, а второй. Вот Харча Василий Матвеевич.

Баушки надцелись хохотать. Баба Нина утёрла слёзы подолом фар-тука:

Вай, паря, до чево приставлённый! Харча-то Аликов отец! Тоже Колпаков. У нас вить сроду заведено было редко у ково прозвишша-то нету. Я уж родилась тут да всю жись прожила и то в фамиллях-ту скрость путаюсь. Дак хоть и мою спреси врасплох не вдруг скажу.

- Баб Нина, а как у тебя-то фамилия?

- Дак Попова я. А по-деревенски-то Кофтина да Кофтина. А у этих сам-то Матвей со старухой сроду Фарчачьи были. Сына ихново, Васью-то, с малолетства Харчей зовут. Женился на Шуре Белой (у ней девичью фамиль-ту убей не спомню), парень у них Алик Дюба. А вот старшу Любу-то да Мишку, однако Фарчачьими так и зовут. Вот тебе и поселенцы.

Баба Шура добавила:

Колпаковы-то ишшо Иван Мазай, да Настасья Фарчачья с Гришкой да Венкой.

- А-а-а! Это он, што ли, Гриша-то Колпак?

Нет, не он, у Гриши Колпака фамиль Брюханов. И Фрося у него Колпачиха.

О! А у приседателя кака фамиль-то?

Дак ты чё, и на него табель сдаёшь?

Нет, а мой-то табель он подписывать будет. Дюба тут указал Ветерок В.И.

Вай, ради Христа! Алик-от не одичал ли?! Сизых он, переправь счас же!

- Да-а-а! Вот бы сдал я табель. Ну ладно... А давайте-ка расскажите прозвишша у всех, хто на ум падёт. А я запишу.

Сёстры помялись. Как-то бытто неловко... Потом махнули рукой а чё не рассказать? Прозвишша-то не ворованы, так и так все знают. Давай, пиши. Ну уж ково забудем, другой раз допишешь. Сразу-то всех где упомнишь.

Посовешшались, с ково начинать.

- Ну, Поповых, кроме меня, Антонисовы, да Ваня Шило. Ишшо учительша Апросинья Сергеевна, но уж у ней прозвишша никакого нету.

Счас пойдём с верхново краю Верхотуровых шшитать. Мартелковы Пётра Мартелович с Марьей, ихный зять Витя Черёмуха, дочь Нюра Елуха (ты не думай, это не в обиду ростом она больша вышла да

статью. Што тебе ёлка). Потом Миша Сога, Евдення Хархониha, Платоновичи Вера с Иваном, Федя Хархонович. Сам Федя Пихта, Генка у них Хархон вместе с Ванькей, Колькя чёрный, а Вовка рыжий (этих по масти прозвали). У Ивана Семеновича с Машей Волеговой сына Валерку звали Семёнчиком, а внука Бибой. Ты шшиташь ли нет, Шура? Однако все ли чё ли?

Дак никово не пропустила, Верхотуровых-ту всех перебрала.

Пановых-даки тоже хватат. По нашему порядку сразу сколь: Маруська Смолячья, Вовка Шмычок, Ванька Салак, Костя Никифорович. С тово краю Михаил Кобыча, Андрей с Натальей Степанячьи (сын у них Мишка-Батя). Потом Иван Николаевич Долгай, Елена Барыжиха. Да Ананий Мартелович. У нево Дуню с тёшшей звали Банчиковыми, Алика Чигункой, а меньшово Кольку Баночкой. Да племянник жил у них, Коля Быня. Наталья Илюшачья-то тоже вить Панова.

Тут баба Нина поднялась из-за стола, собрала посуду, утащила в куть:

Это хто чево? Друго время-то не нашли? Ужну заканчивать будем или списки составлять? Давай убирай свои гумаги, чайник-от протыл!

Сёстры взялись таскать шаньги с пирогами, сметану с сахаром, конфетки подушечками да стаканья с запарником. Весь стол заставили.

Застукались в дверь. Зашла Наталья, колхозна кладовщица. Её тоже позвали за стол, да она отказалась:

Время-то полно, а у меня дома вся управа стоит. Я вить к тебе, Василий. Отправь, ради Христа, завтра с утра ково-нить на подтоварник. Одново хоть мужика, пушай до обеда поработат. В анбаре полсгнил, не сёдни-завтре провалитца. А у приседателя один разговор - нету народу и всё!

Ну-ка, Михеевна, присядь-ка на минутку. Ты вить Панова?

Панова. Мы, окроме Романа-то, все Пановы. А ты куды это нас записывашь?

Да вот, деревню пофамильно переписываю. Да у ково како прозвишша. Это как вы с ними не запутываетесь?

Это, родимай, как раз с фамилиями-то и путаютца. Сам знашь, в деревнях-то по сколь родни да однофамильцев живёт. Вот примерно наш Николай в школу пошел, дак с ним в одном классе ишло три Пановых Николая угадало. Ну-ка, нагрезили где-то, «Хто?» спрашивают, «Дак, однако, Кольша Панов...». Вот и разбирайся тожно... А скажи прозвишше, сразу понятно, чей. Один Коля Панов Нос, Кости Никифоровича Кольша Жучка. Третий Мартеловича старший Коля. Вот у нево никак не помлю, было ли, нет ли прозвишше-то:

давно уж, молоденькай сгинул. А наш Коля Любавин. За то, што за мамой гонялся чуть не до школы, никуды от себя не отпускал.

Вот-вот, мне интересно, как их придумывают? Я таких сроду не слыхивал.

Помолчали. Мы вить не задумывались об этом. Родился человек дали ему имя, дали фамиль и дали прозвище. Чё ишло нады? Так и живёт. Которым дак ни имя ни фамиль не пригожаютца, одново прозвища хватат...

Дак лешак знат, откуль оне берутца... - Баба Шура развела руками и опеть сложила их под грудь. Посидела, - Ране-то бытто по родове шло. Уж Игорёнковы дак все Игорёнковы. Эвон сколь семей-то было

Кармишачьи, Фарчачьи, Илюшачьи, Антонисовы, Евдёнковы, Мартелковы, Подлатовы, Сергунины, Смолины,.. Это бытто давношны... А счас всё сбилось. Вот возьми, примерно, Евдокею Рожкову. И сама она и Николай с Нюрой, все Леванячьи. Внучек Вовка Леванёнок. Всё по путе. Нюра вышла взамуж за Михаила. Вся родова у него были Кармишачьими. Отца, Яшку Кармишонка, ишло Пучей звали. А Михаила уж Кобычей. Ево старшу сестру Елену Барыжихой.

Или Завечёрковы, Домна с Таисьей. Взамуж вышли и мнуков дождались, а так и остались што Домна Завечеркова, што Таисья. Мужиков ихных однако никак не окрестили, врать не буду. А вот парень у Домны Толя Зая, а мнучек Коля Лёма. Таисьяна дочь Катя почтовска (всю жись на почте отработала), а зять Миша Чипа.

Баба Нина поднаумила ей:

Дак по работе-то не одну Катю зовут. Гли-ка, Григорей-от Федосевич, уж не знаю, сколь он на этом месте просидел, а вить приклеилось: Гриша-животновод и всё! Я дак у него фамиль-то и не слыхивала.

Вай, Василий, мы животновода-то пропустили, пиши ево к Колпаковым. А Ваня Турсунов? С первово дня Ваня Рабочий.

Не бай, приежжим-то тоже не обробели, надавали имён. Эвот хоть Карнаевы. Оне уж как свои. Трое братовой, все добры, уж ништо не похулит. Меньшой-то Вася Бох. А Костиново Ивана (царство небёсно!) счево-то Бананом звали. Откуль этот банан взялся? В те года на Ангаре бананы-то не видали и не слыхали.

Ну всё, Василий, хватит на сёдни. Из мочи вышли с твоими прозвищами. Ково спомним, дак другой раз запишем. Глаза на седало садятца, обои с Шурой испозевались сидим. И ты иди ложись, спокойной ночи!

Шура поднялась среди ночи. Тихоньку вышла из своей спальни наизбу. Где-то зашебуршало... Кто чево? Не мыши ли уж завелись, оборонишна мать? Утре проверю, счас никово не видать.

Тут она кинула глаза на окошко...

- Свят дух восподней, это хто тут? зажгла огонь, - Вай, Нина, дак это ты... С ума меня свела... Ково ночью по избе-то ползаешь?

А ты сама ково тут забыла? Не гумагу ли с карандашом?

Ва-ай, а ты почем знаешь?

Дак не хуже тебя лежу-лежу, все бока отлежала, а сну никак нету. Поведи лешак парня, да вместе с прозвищами! Вот лезут в голову и всё! Хоть и невного спомнилось, а думаю, дай-ка запишу. А то, не дай Бох, засплю. Утре вить ни ково не спомлю.

Сёстры нашли кетрадку с карандашом, устроились у стола. Нина скомандовала:

Ну давай, диктуй своих.

Дак вот, у Евденни-то у Хархоновых Ивана вить Чабаном звали, а Вовку Бозей. Ишшо Ваську с Ванькей наравне с отцом Салаками зовут, а Витьку Пупсиком.

А я про Никифоровича. У нево вить трое ребят, все разны: Николай-от Жучка, Валерка - Боб, а Виталька Никиша.

Нина, я не знаю, этих писать ли нет...

Не спрашивай, про всех говори.

Дак я про сельсоветских-то... Про Митрия-то Николаевича... У савомó я прозвища не слыхивала. А Анфисью Ивановну по-за глаза-то Фурцевой зовут... Ну, што ты! Така представительна да грамотейка! Митрий-то её, однако, и сам побаиватца. А сын, Толя-то, у них Боровок. Ох он и не любит, што ево Боровком зовут. А у Михаила Попова, у Антонисовых-то, Вовку Кандыбой дразнят. Я не замечала, штоб сердился. А он пошто Кандыба-то?

Шура сколь-то время на Дворце не жила, к сыну уежжала, ли чё ли. За эти года хто уехал, хто приехал. А об чем-то подзабылось... Нина подсказала:

Дак ты чё, не помлишь? Оне на машине в Мостову-то улетели? Да Вовка ногу-то изломал? Одна-то нога с тех пор у нево сантиметров на пять короче. Так хромой и остался. Вот и Кандыба. О-о-ой, дефка, сижу испозевалась вся, а на постёлю лягу куды сон деётца? Мне боле ништо на ум не падат. Пошли ложитца.

Дак я тоже уж сплю сижу. А Нюрку-то Сергуниных с Наташкой да Дуню с Катей Красновых будем писать? Да ишшо Ариша Митина, а сам Митя, отец-от её, тот Поп. Черкни, штоб не забыть. Васька пушай сам глядит, нады ему ли нет.

Вай, желта в рот, Шуру-то Шмару забыли! Поведи лешай память!
Нина записала и рассмеялась, а ты не помлишь, как из Кежем уполномо-
ченный-то приезжал, да как собранне-то собирали?

Нет, чё-то не помлю...

- Да как он подумал, што это у неё така фамиль? Неуж не помлишь?
Их сколь тут перебывало, уполномоченных-то! Хто упомлит?

Видать без тебя. Тогда вить с этим строго было, не дай Бох опоз-
дать! На собрания-то до единово человека собирали. Народ сразу с ра-
боты, домашна управа вся стоит. Давайте, мол, начинать. А началь-
ство спрашиват, все пришли, ли нет? Говорят, так и так, одной Шуры
Шмары нету. По неё уж сбегали, вот-вот должна явитца. Не успели
выговорить, она заходит. Уполномоченный:

- Вот и Шмара пришла!

А вот и ... сидит! Шура, как ни в чем не бывало, повернулась,
пошла к месту.

- Сперва-то все околели ну-ка, при народе уполномоченново об-
материть! Это вить на каково трафисся, может и к суду притянуть...
Всё же не сдюжили, такой смех пробрал в конторе стёкла в окошках
ходуном ходили! А у меня и счас в глазах стоит весь народ со смеху
покатыватца, а уполномоченный не может понять за што это ево
матом обложили...

Не-е-ет, я никово про это не слышала. Ну Шура дак Шура. А чё, у
ней не заржавеет, сроду ека и была чё думат, то и брякнет.

- Пошли спать. Ишшо поразговаривам, 'дак наготово разломамся
до утра не уснём. Спокойной ночи, родна.